

И НДИВИД В ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ

С.Г. ТАТЕВОСОВ

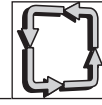
В емком и остроумном докладе А.Л. Никифорова поднимается несколько существенных вопросов, связанных, в частности, с семантическим содержанием естественно-языковых собственных имен. А.Л. Никифоров указывает на определенные затруднения, с которыми сталкиваются попытки анализировать их как «жесткие десигнаторы», как выражения, указывающие на один-единственный объект некоторой «предметной области».

Небеспроблемность такого взгляда на собственные имена была отмечена давно. Например, в основополагающей статье¹, которая опирается на некоторые идеи Б. Рассела и У. Куайна, обосновывается предикатная теория собственного имени: имя – это предикат, обозначающий, как и всякий предикат, множество объектов. Те употребления, где собственное имя, как кажется, указывает на уникальный индивид, возникают как результат соединения этого предиката с невыраженным указательным, дейктическим элементом: *Петр Куслий* при таком анализе означает примерно то же, что *этот Петр Куслий*.

В ходе продолжавшихся в лингвистической семантике все последние 40 лет дискуссий о природе собственного имени предикатная теория испытала несколько проверок на предмет эмпирической адекватности. Сумма лингвистических аргументов за и против приводится, например, в недавней статье О. Матушанской², и мы не будем за неимением места останавливаться на этом подробнее. Хотелось бы сосредоточиться на одной частной проблеме, затронутой в докладе А.Л. Никифорова, которую он сам формулирует следующим образом. «Наше имя именуется не один-единственный предмет, а множество

¹ Burge T. Reference and Proper Names // Journal of Philosophy 1973. Vol. 70, № 14.

² Matushansky O. On the Linguistic Complexity of Proper Names // Linguistics and Philosophy. 2008. Vol. 31, № 5. P. 573–627.



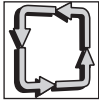
ИНДИВИД В ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ

разных предметов: ясно, что школьник Петя Куслий и научный сотрудник Петр Куслий с физической стороны по крайней мере имеют между собой весьма мало общего... Наше имя оказывается вовсе не единичным, а общим термином, поскольку обозначает не один, а множество предметов. Тогда подлинным именем собственным, т.е. единичным термином, можно было бы считать имя, снабженное индексом по времени: «Петр Куслий в момент T1» – «ПКТ1». В итоге мы получим множество имен, индексированных по времени: ПКТ1, ПКТ2, ПКТ3,... Референтами этих имен будет физический объект Петр Куслий, рассматриваемый в определенный момент его существования. Но каков будет референт имени «Петр Куслий» без индекса по времени, так сказать, «абстрактного» Петра Куслия? Это имя будет обозначением множества либо индексированных по времени имен, либо обозначаемых ими предметов».

В связи с этим наблюдением представляется весьма уместным обратиться к выводам и обобщениям, содержащимся в докторской диссертации Г. Карлсона³, одного из крупнейших американских семантистов. Исходный пункт рассуждений Карлсона почти дословно совпадает с соображениями А.Л. Никифорова. «Идея о том, что индивиды – это простой и понятный род вещей, как уже давно и хорошо известно, попросту неверна. Гераклит отметил, что человек не может вступить в одну реку дважды, поскольку река (как, впрочем, и человек), если говорить о них в терминах физической субстанции, не остается самой собой в каждый новый момент времени. Поэтому когда мы говорим об одном и том же объекте в разные моменты времени, его идентичность обеспечивается чем-то большим, чем физическая субстанция. Точно так же идентичность невозможно свести к внешнему сходству, или перцептивной неразличимости. Один и тот же человек может выглядеть определенным образом в один момент и совершенно иначе в следующий просто потому, что переменились одежда или освещение... Тем не менее мы каким-то образом понимаем, что вот этот младенец и вон тот пожарный-пенсиянер – это «один и тот же» индивид, даже несмотря на то, что двое не имеют практически никаких наблюдаемых сходств...»

Решение, которое предлагает Карлсон, состоит в радикальном изменении представлений об онтологии – той «предметной области», о которой мы высказываемся на естественном языке. Онтология содержит не только традиционные *индивиды*, но и их *стадии*. Стадия – это пространственно-временной «срез» индивида, индивид-во-времени-и-пространстве. Каждому индивиду соответствует множество стадий, каждую стадию связывает с индивидом функция актуализации.

³ Carlson G.N. Reference to Kinds in English: doctoral dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 1977.



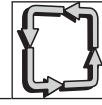
Индивид – не то же самое, что сумма всех своих стадий, реализаций в частных обстоятельствах. Какие-то стороны индивида, возможно, вовсе не имеют актуализации, внешних проявлений (ср.: «Настоящего Петра Куслия никто из нас не знает»), какие-то актуализируются в строго определенных ситуациях («На семинарах Петр Куслий много шутит»), а еще какие-то наблюдаемы всегда («Петр Куслий – очень приятный в общении философ»). Возможны стадии, в которых индивид проявляется наиболее полно («В этом весь Петр Куслий»), но возможны и такие, которые его сущности не отражают вовсе («Петр Куслий не мог этого сделать»).

Существенно то, что как индивиды, так и стадии в теории Карлсона понимаются как элементы структурированной «предметной области», как онтологические сущности сходной природы (на языке теоретико-модельной семантики – как сущности логического типа *e(ntity)*). Естественный язык обладает способностью к построению высказываний, в которых возможно обращение как к индивидам, так и к стадиям, и на этом наблюдении Г. Карлсон выстраивает систему эмпирических аргументов в пользу своей теории.

Самое существенное в ряду этих наблюдений состоит в том, что некоторые предикаты естественного языка применяются непосредственно к индивидам, тогда как другие – к стадиям. Первые называются предикатами индивидного, вторые – предикатами стадияльного уровня. Предикаты индивидного уровня описывают сущностные, стабильные свойства, изменение которых означает качественное изменение самого индивида – «быть добрым», «знать английский язык», «верить в существование призраков» и т.д. Предикаты стадияльного уровня соотносятся с преходящими и претерпевающими изменения положениями вещей, в которых задействованы стадии и которые не затрагивают идентичность индивида – «быть расстроенным», «сидеть», «строить дом» и т.д.

Предикаты индивидного уровня применяются к индивидам непосредственно: так происходит у предложений типа «Петр Куслий добр», «Петр Куслий остроумен» или «Петр Куслий любит сладкое». Предикаты стадияльного уровня в своей основной интерпретации применяются к стадиям. Это случаи типа «Петр Куслий сейчас сидит в кресле», «Петр Куслий проводит семинар» или «Петр Куслий прочитал доклад А.Л. Никифорова».

Предикаты стадияльного уровня допускают образование производных предикатов индивидного уровня (в русском языке для этого используются формы несовершенного вида в одном из значений). В этом случае систематическое участие различных стадий индивида в ситуациях определенного класса подается как сущностное свойство этого индивида. Например, предложение «Петр Куслий сейчас курит в коридоре» сообщает о происходящем со стадией Петра Куслия, тогда как «Петр Куслий курит» (т.е. он курильщик) передает информа-



ИНДИВИД В ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ

цию об индивиде: для истинности этого предложения не требуется, чтобы в момент речи мы наблюдали текущую стадию Петра Куслия с сигаретой в руке, однако требуется, чтобы такие ситуации в принципе имели место с достаточной систематичностью⁴.

Различие между предикатами индивидного и стадиального уровня имеет многочисленные грамматические и семантические проявления. Взятые вне более широкого контекста предикаты индивидного уровня создают так называемый эффект срока жизни. Предложение типа «Он был добрый» предполагает, что носителя свойства более нет в живых, и это совершенно естественно: свойство индивидного уровня характеризует индивид на протяжении всего периода его существования, и, помещая это свойство в прошлое, мы тем самым предполагаем, что и само существование индивида осталось в прошлом. Предикаты стадиального уровня, например «Он бывал в Нью-Йорке», такого эффекта не создают.

Предикаты индивидного уровня в отличие от предикатов стадиального уровня сопротивляются точному указанию на пространственную и временную локализацию ситуации, ср.: «Вчера в 12.35 в аудитории 949 Петр Куслий знал английский язык» и «Вчера в 12.35 в аудитории 949 Петр Куслий выступал с докладом». В английском языке предикаты индивидного уровня в отличие от предикатов стадиального уровня не допускаются в малых клаузах, зависимых от глаголов восприятия, ср.: “John saw Mary talk to Bill” vs. “John saw Mary love Bill”; они аномальны в составе экзистенциальных there-предложений, ср.: “There are firemen available” vs. “There are firemen altruistic”. А в бенгальском языке от индивидности/стадиальности предиката зависит употребление глагола-связки: нулевая связка предпочитает предикаты индивидного уровня, но допускает также предикаты стадиального уровня; появление фонологически непустой связки возможно только у предикатов стадиального уровня:

ram Sukhi Ø.

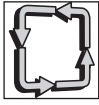
«Рам – счастливый (человек)»;

ram Sukhi achhe.

букв. «Рам есть счастлив (в данный момент)».

Суммируем сказанное. Карлсон предложил гипотезу, согласно которой в онтологии представлены индивиды и их стадии. Имена обозначают индивиды, но поскольку индивиды без ограничений отбражуются в стадии с помощью актуализирующих функций, мы получаем возможность обращаться к стадиям, используя те же имена. О чем именно мы говорим – об индивиде или о его стадии – зависит от

⁴ Genericity: An Introduction // The Generic Book / M. Krifka [et al]; G. Carlson, F.J. Pelletier (eds.). Chicago; L. : University of Chicago Press, 1995. P. 1–95.



того, предикат какого типа имеется в нашем распоряжении. Предикаты индивидуального уровня применяются к индивидам, стадийного уровня – к стадиям, а тот факт, что эти различия имеют грамматические проявления в разноструктурных языках, гарантирует, что противопоставление покоится на серьезных лингвистических основаниях.

Дает ли гипотеза Г. Карлсона ответ на поднимаемые А.Л. Никифоровым вопросы? Выскажемся осторожно: она открывает еще один путь, на котором философия встречается с наукой о языке. Опыт последних десятилетий показывает, что, двигаясь рука об руку, эти дисциплины добиваются большего, чем порознь.